

МАРИ АЛВИ

18+

СВЯЗАННЫЕ ЭФИРОМ

A woman with long, wavy brown hair, wearing a dark, intricately detailed gothic-style dress, is kneeling on a stone floor. She is holding a small, ornate crown that is glowing with a bright, ethereal light. The crown has a central red gem and intricate metalwork. In the background, there is a large, dark gothic throne with a red cushion, set against a wall of dark stone and heavy red curtains with gold embroidery. The scene is dimly lit, with light coming from the glowing crown and some light sources on the sides, creating a dramatic and mystical atmosphere.

ЧУЖАЯ
КОРОНА

КНИГА ПЕРВАЯ

Мари Алви

Чужая Корона

«Автор»

2026

Алви М.

Чужая Корона / М. Алви — «Автор», 2026

После смерти Артура, Мира Эверли пытается удержать то, что осталось у её семьи. Ресторан уже потерян, дом под угрозой, а привычная жизнь рассыпается быстрее, чем она успевает её спасти. Однажды утром ворон приносит в её комнату старинный медальон. Он открывает дневник человека, чьё имя мать Миры скрывала двадцать два года, — и путь в Ардеван. По ту сторону разрыва Миру называют дочерью короля Огня и наследницей древнего трона. Ардевану нужна королева. Советник Аристей ждёт, что она исполнит долг, о котором ещё вчера ничего не знала. Сама Мира хочет лишь вернуться домой. Но чем дольше она остаётся, тем труднее не замечать цену, которую Пределы платят за порядок четырёх королевств. И тем опаснее становится её доверие к Кайрэну — герцогу, который знает о её появлении больше, чем готов рассказать. Чтобы перестать быть решением чужих проблем, Мире придётся впервые спросить себя, какой мир она сама готова назвать своим.

© Алви М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Чужие ключи	5
Глава 2. Пока дом ещё наш	17
Г	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Мари Алви

Чужая Корона

Глава 1. Чужие ключи

В машине было так тихо, что я слышала, как белый пакет шуршит у меня на коленях.

Ева сидела сзади, прижавшись лбом к стеклу, и уже несколько минут ничего не говорила. Для неё это было почти страшнее крика. Обычно она заполняла любую паузу — жаловалась на погоду, комментировала чужое вождение, придумывала биографии людям на остановках. Сейчас молчала.

Дэн вёл аккуратно, положив обе руки на руль. Музыка не включил, хотя обычно они с Евой начинали спорить о плейлисте ещё до того, как машина выезжала со двора.

В пакете лежали три старых меню из папиного ресторана.

Больше я забрать не успела.

Да и эти три листа отдали не сразу. Мужчина в серой рубашке сначала сказал, что выносить ничего нельзя. Потом посмотрел на меня — на руки, на лицо, на то, как я стояла перед дверью с новым замком, — и всё-таки махнул кому-то за спиной.

Через минуту мне принесли пакет.

— Вот. Это было у стойки.

У стойки.

Как будто речь шла не о месте, где папа двадцать лет здоровался с каждым вторым гостем по имени.

Как будто это было просто помещение.

Я держала пакет обеими руками. Ручки врезались в пальцы, но я не ослабляла хватку. От бумаги пахло пылью и старым картоном. Где-то под этим запахом мне чудился ресторан — горячее тесто, кофе, лимонная цедра, папина рубашка, пропитанная кухонным дымом.

Наверное, мне просто очень хотелось, чтобы хоть что-то ещё пахло им.

Телефон снова завибрировал.

Я не посмотрела.

Ева шевельнулась на заднем сиденье.

— Роберт?

Я кивнула.

— Четвёртый раз?

— Пятый, если считать сообщение.

Она открыла рот, но ничего не сказала.

Это тоже было странно.

Дэн взглянул на меня в зеркало заднего вида.

— Можешь не отвечать.

На экране снова загорелось имя Роберта.

Я знала, что будет, если продолжу игнорировать звонки. Сначала он позвонит Еве, потом Дэну, а если достаточно сильно испугается или разозлится — маме. Роберт редко хотел сделать хуже. Он просто не умел останавливаться, когда волновался.

Он просто не умел останавливаться, когда волновался.

Я приняла вызов.

— Роберт.

— Ты где?

Я закрыла глаза.

Не «как ты?». Не «что случилось?».

Сначала — где.

— Мы едем домой.

— Почему ты не отвечаешь?

Вопрос был нормальный. Даже логичный. Я действительно не отвечала.

Но от него всё равно стало теснее в груди.

— Потому что не могла говорить.

— Ты могла написать хотя бы точку. Я волновался.

На заднем сиденье Ева отвернулась к окну.

Я заметила это и сильнее сжала телефон.

— Я понимаю.

— Ты поехала туда с Евой и Дэном?

— Да.

— А мне сказать было нельзя?

Дэн перестроился в правый ряд. Ева перестала шуршать курткой. В машине стало ещё тише.

— Роберт, мне позвонили и сказали освободить ресторан. Ева была рядом, Дэн нас отвёз. Это не было заранее запланировано.

— Я тоже мог отвезти.

— Я знаю.

— Но ты не позвонила мне.

Я посмотрела в окно. За стеклом тянулись мокрые серые дома, вывески аптек и люди на остановках. У кого-то в руках был пакет с продуктами, у кого-то — зонт. Обычный день почему-то продолжался, хотя папин ресторан уже был за чужим замком.

— Сейчас правда не момент.

— У тебя всегда не момент.

Я промолчала.

Не потому, что мне нечего было ответить. Как раз наоборот. Если начать, я не остановлюсь. А на разговор, после которого придётся ещё и исправлять Робертову обиду, у меня не осталось сил.

— Мы будем дома минут через пятнадцать, — сказала я. — Можешь приехать. Только, пожалуйста, не начинай с порога.

— Я не собирался начинать.

— Хорошо.

— Я просто хочу быть рядом.

Это была хорошая фраза.

Правильная.

И всё равно от неё почему-то стало тяжелее.

— Тогда будь рядом. Только не делай так, будто мне сейчас нужно ещё и отчитываться перед тобой.

На другом конце повисла пауза.

— Я приеду, — сказал Роберт.

— Хорошо.

Я отключилась и положила телефон экраном вниз рядом с пакетом.

Ева наконец выдохнула.

— Я ничего не скажу.

Я повернула голову.

— Спасибо.

— Но ты должна оценить масштаб моего подвига.

— Ева, — тихо произнёс Дэн.

— Всё. Молчу.

И она правда замолчала.

Я снова посмотрела на пакет. Один угол меню торчал из-под белой бумаги. На нём виднелась часть старого логотипа — маленькая ветка лимона, которую папа нарисовал от руки ещё до того, как они с мамой заказали нормальную печать.

Он тогда три вечера спорил, что логотип «должен быть живым».

Мама отвечала, что живым должен быть бухгалтерский баланс.

Папа говорил, что баланс они как-нибудь уговорят.

Тогда я смеялась.

Сейчас от этого воспоминания стало так больно, что я перевернула пакет рисунком вниз.

— Маме как скажем? — спросила Ева.

Дэн остановился на красный. Машины впереди встали плотной линией. Кто-то сигналил, хотя ехать всё равно было некуда.

Я провела большим пальцем по ручке пакета.

— Как есть.

Ева скривилась.

— «Как есть» обычно самый ужасный вариант.

— А какой есть не ужасный?

Она не ответила.

Дэн постучал пальцем по рулю. Один раз. Второй.

— Мы скажем вместе.

Я подняла на него глаза.

— Что?

— Мы были там вместе. Видели одно и то же. Ты не обязана заходить и объяснять всё одна.

Ева кивнула, уже без шутки.

— Да. Вместе.

Я хотела сказать, что не надо. Что это моя мама, моя сестра, моя семья и моя проблема. Хотела по привычке забрать всё себе, а потом самой же не выдержать.

Но пакет на коленях казался тяжёлым, как камень.

— Хорошо, — сказала я.

Голос получился тише, чем хотелось.

Дэн тронул машину с места.

Дом был уже близко.

Слишком близко.

Мне хотелось, чтобы дорога растянулась ещё хотя бы на десять минут. Чтобы мы немного дольше оставались в машине, где плохое уже случилось, но его пока не нужно было произносить вслух.

Через несколько минут Дэн свернул во двор.

Мы жили в обычном четырёхэтажном доме с бежевыми стенами, давно потерявшими первоначальный цвет. Возле подъезда всё ещё стояло старое кресло, которое жильцы уже неделю собирались вынести, но каждый день проходили мимо, будто оно когда-нибудь само сойдётся и уйдёт.

Я подняла голову.

На четвёртом этаже шевельнулась занавеска.

— Фиона.

Ева тоже посмотрела вверх.

— Маленький семейный радар.

Занавеска исчезла. Через несколько секунд на балкон вышла мама. На ней была домашняя кофта, волосы собраны наверх, в руке кухонное полотенце. Фиона появилась рядом почти сразу, просунув голову под её рукой.

— Мира! — крикнула мама. — Всё нормально? Что случилось?

Я вышла из машины, но ответить не смогла.

Мама стояла на нашем балконе рядом с цветком в старом горшке, который папа каждый год собирался пересадить и каждый год забывал. Фиона была босая, в домашней футболке. На перилах висело полотенце, в кухонном окне горел тёплый свет.

Всё выглядело нормально.

А мне нужно было подняться и сказать им, что ресторан больше не наш.

— Сейчас зайдём! — крикнула Ева вместо меня.

Фиона наклонилась через перила.

— Что значит «зайдём»? Что случилось?

— Фиона, не падай с балкона, — сказал Дэн.

— Не командуй мной с земли!

Ева тихо фыркнула, но сразу замолчала.

Мама больше ничего не спрашивала. Просто смотрела на меня так, будто уже поняла: хороших новостей нет.

В подъезде пахло пылью, влажной тряпкой и жареным луком. Лифт снова не работал. На двери висела бумажка: «Мастер вызван». Судя по выцветшим чернилам, мастер был вызван ещё в прошлой жизни.

Ева посмотрела на лестницу.

— Четвёртый этаж пешком. Прекрасно.

Никто не ответил.

Я пошла первой. Пакет бился о бедро на каждой ступеньке.

На втором этаже я остановилась.

Не специально. Просто в какой-то момент тело отказалось идти дальше.

Ева почти врезалась в меня.

— Мир?

— Секунду.

Дэн остановился ниже, между этажами. Не стал говорить, что всё будет нормально. Ева тоже промолчала и даже не положила руку мне на плечо.

Я держалась за перила и смотрела на облупленную стену. Кто-то давно нарисовал на ней маленькую звезду шариковой ручкой.

Папа однажды увидел её, когда поднимался с пакетами из магазина, и сказал, что у нашего подъезда появился собственный рейтинг отеля.

«Одна звезда. Лифт не работает, но атмосфера аутентичная».

Я зажмурилась.

Не сейчас.

Сделала вдох. Потом ещё один.

И пошла дальше.

Дверь квартиры открылась раньше, чем мы дошли до площадки.

Фиона стояла босиком, в широкой футболке, с таким лицом, будто готовилась ругаться, плакать и кусаться одновременно.

— Что случилось?

— Дай нам зайти.

— Нет, сначала скажи.

— Фион.

Она посмотрела на пакет в моей руке.

— Это из ресторана?

Я не ответила.

Фиона отступила.

На кухне уже стояла мама. На столе были чашка с недопитым кофе, открытая пачка печенья и стопка документов, которые за последние дни будто размножились сами. Каждый раз, когда я заходила на кухню, бумаг становилось больше.

Ева подошла к окну. Дэн остался у дверного проёма — его давно приняли в нашей семье, но он всё ещё старался не занимать слишком много места в чужой беде.

Мама посмотрела на пакет.

— Что там?

Я поставила его на стол. Ручки медленно разогнулись.

— Нам утром позвонили.

— Кто?

— Не знаю. Мужчина. Сказал, что ресторан нужно освободить. Что туда заходят новые владельцы.

Фиона резко выпрямилась.

— Какие новые владельцы?

Я попыталась ответить, но слова застряли.

— Мы поехали туда, — сказал Дэн. — Я, Мира и Ева.

Мама посмотрела сначала на него, потом на меня.

— Вы были там?

Я кивнула.

— Да.

— И?

— Замок сменили.

Фиона тихо произнесла:

— Нет.

— Вывеску тоже сняли.

Мама опустила на стул. Очень медленно, как будто если делать всё медленно, можно не упасть.

— Мартин сказал, что решит вопрос. Сказал, что деньги уйдут на закрытие старых долгов и переоформление. Что после этого мы сможем спокойно...

Она не закончила.

Я села напротив.

— Мам, похоже, он ничего не решил.

— Не говори так.

— Я не хочу так говорить. Но мы были там. Человек у двери сказал, что помещение больше не принадлежит нашей семье.

Фиона отодвинула стул.

— То есть деньги просто ушли?

— Фион, — сказала мама.

— Нет, я спрашиваю. Мы отдали ему деньги, и он что? Просто забрал ресторан?

Ева сжала руки в кулаки. Обычно в такой момент она уже сказала бы что-нибудь злое. Сейчас молчала.

Дэн прошёл на кухню.

— Пока рано говорить, что именно он сделал. Сначала нужно посмотреть документы.

Фиона повернулась к нему.

— Но ресторана уже нет.

Он не стал спорить.

— Судя по тому, что мы увидели сегодня, права могли перейти.

Мама закрыла глаза.

Я смотрела на неё и впервые за всё утро почувствовала не злость, а страх. Не свой.

Мамин.

— Я уже написал маме, — сказал Дэн. — Она готова посмотреть документы. Попросила собрать всё: договоры, переводы, переписки, выписки. Любые бумаги, которые приносил Мартин. Даже то, что кажется неважным.

Мама открыла глаза.

— Дэн, я очень благодарна, но мы не можем сейчас оплачивать юриста.

— Она не об этом говорила.

— Но это её работа.

— Именно поэтому она сначала посмотрит. Бесплатно.

Ева наконец повернулась от окна.

— Эмма, пожалуйста, не спорьте с человеком, который принёс нам юриста. Вселенная хотя бы один раз не только пнула нас, но и кинула бинт.

Дэн покосился на неё.

— Бинт?

— Я сейчас на метафорах выживаю. Не придирайся.

Никто не улыбнулся.

Мама положила ладонь на документы.

— Что сказала Джулия?

Дэн стал серьёзнее.

— Если Мартин получил подписи через обман, скрыл условия или обещал одно, а в документах оказалось другое, можно попытаться это оспорить. Нужно проверить, как прошла передача прав, запросить выписки. Возможно, получится остановить часть процессов. Но мама сказала не надеяться на чудо сразу.

Я услышала слово «чудо» и вспомнила, как папа однажды сказал:

«Чудо — это когда пожарные приехали до пожара. Всё остальное — работа».

— А дом? — спросила мама.

Она произнесла это слово тише остальных.

Фиона посмотрела на неё.

— Что — дом?

Мама не ответила.

Я медленно повернулась к ней.

— Мам.

Она смотрела на собственную ладонь поверх документов.

— Дом был под залогом.

Фиона встала.

— Что?

— Фиона...

— Нет. Что значит дом был под залогом?

— Мы думали, это временно. Мартин сказал, что так будет проще получить деньги и решить вопрос с рестораном. Что потом всё вернётся.

— Он сказал, — повторила Фиона. — Он сказал?

Ева отвернулась к окну.

И это напугало меня почти так же сильно, как слова про дом.

Ева всегда находила, что сказать. Даже когда не надо. Особенно когда не надо. А сейчас стояла к нам спиной и смотрела во двор.

Дэн опустил взгляд на стол.

Дом.

Я подумала не о комнатах и не о мебели.

О террасе.

О старых подушках в углу. О гирлянде, которую мы с Евой повесили в четырнадцать лет, а папа каждый год грозился снять, потому что «она пережила уже три правительства и два ремонта». О пустом горшке, в котором Фиона в детстве прятала конфеты. О сколе на кухонном столе и о том, что мама всё время оставляла кофту на одном и том же стуле.

— Если с рестораном всё плохо, дом тоже могут забрать?

Мама посмотрела на меня.

И я увидела, что она не просто устала.

Она была напугана.

— Да, — сказала она. — Могут.

На кухне стало тихо.

Даже Ева ничего не сказала.

Дэн положил ладонь на край стола.

— Поэтому документы нужно смотреть сейчас. Не через неделю и не после нового письма.

Фиона резко вытерла лицо рукавом, хотя слёз ещё не было.

— А если не получится?

Дэн не ответил сразу.

Я знала: если он молчит, красивого ответа нет.

— Тогда будем думать дальше.

— Это не ответ.

— Это честный ответ.

Фиона отвернулась.

Мама закрыла лицо руками.

Мне хотелось сказать, что мы справимся. Что я найду ещё одну работу. Что можно что-нибудь продать, договориться об отсрочке, придумать план.

Но я не знала, что именно предлагать.

В дверь позвонили.

Я повернула голову.

— Это Роберт.

Ева молча взяла со стола телефон и начала крутить его в руках.

Я вышла в коридор.

Роберт стоял на площадке в рабочей рубашке. Волосы были чуть растрёпаны, телефон всё ещё зажат в руке. Он посмотрел на меня так внимательно, что мне на секунду захотелось закрыть дверь и прислониться к ней спиной.

Не потому, что я не хотела его видеть.

Просто ещё один человек, которому нужно всё объяснять, был сейчас больше, чем я могла выдержать.

— Привет, — сказала я.

— Привет.

Он сразу посмотрел за моё плечо.

— Что происходит?

— Заходи.

В кухне Роберт остановился у порога и быстро оглядел всех: маму, Фиону, Еву, Дэна, документы и белый пакет на столе.

— Я так понимаю, всё плохо.

Ева подняла глаза, но промолчала.

Роберт поставил на стол небольшую коробку с пирожными и упаковку таблеток от головной боли.

— Я подумал, вы сегодня, наверное, ничего нормального не ели. И это на всякий случай.

Мама посмотрела на коробку так, будто не сразу поняла, что ей предлагают не решение, а просто что-то к чаю.

— Спасибо, Роберт.

— Да не за что.

Фиона покосилась на пирожные.

— Там шоколадные есть?

— Два. Я помню, что ты не признаёшь десерты без шоколада.

Фиона уже открыла рот, будто собиралась ответить резко, но в итоге только кивнула.

— Спасибо.

Я немного выдохнула.

Вот за это я и любила Роберта. Он мог позвонить пять раз подряд, задать вопрос не в тот момент, начать решать проблему раньше, чем люди успевали понять, что чувствуют. Но он замечал мелочи.

Мамины головные боли.

Любимые пирожные Фионы.

То, что я опять не ела.

— Можно посмотреть? — спросил он, кивнув на документы.

Мама подвинула к нему часть бумаг.

— Конечно.

Роберт просмотрел первый лист, потом второй. Юридическую часть он понимал не лучше нас, но всё равно пытался найти хоть что-то полезное. Через несколько минут он положил бумаги обратно.

— Я могу поговорить с отцом. У нас в офисе вроде искали человека на административную работу. Или в клиентский отдел. Это не решит всё, я понимаю. Но хотя бы стабильная зарплата на первое время.

Мама сразу подняла глаза.

— Роберт, спасибо. Правда. Но я не могу просто так...

— Это не просто так. Отец всё равно ищет человека. Я могу только спросить. Если вам не подойдёт, ничего страшного.

Фиона уставилась в чашку.

— То есть мама теперь ещё и работу должна искать.

— Фион, — тихо сказала мама.

— Я не против. Просто уточняю, на каком уровне ада мы находимся.

Ева коротко выдохнула носом, но ничего не сказала.

Роберт посмотрел на Фиону без обиды.

— Я не хотел, чтобы это прозвучало как «вы должны». Просто пусть будет ещё один вариант.

Он правда хотел помочь.

Злиться на него за это было бы несправедливо.

— Спасибо, — сказала я.

Роберт посмотрел на меня.

— Я просто хочу быть полезным.

— Я знаю.

Мама кивнула.

— Сначала я поговорю с Джулией. Посмотрю, что она скажет по документам. А потом, если будет нужно, буду благодарна за контакт твоего отца.

— Конечно. Без давления.

Он сказал это быстро, почти заранее.

Я заметила, но решила, что сейчас услышала больше, чем он вкладывал.

Мама встала и включила чайник.

— Чаю кто-нибудь хочет?

— Я, — сказала Фиона и посмотрела на коробку. — И шоколадное.

— Вот это уже план, — пробормотала Ева.

Роберт чуть улыбнулся.

Я взяла чашку, залила пакетик кипятком и сразу обхватила горячую керамику ладонями.

Тепло почти доходило до боли, но отпускать не хотелось.

Роберт потянулся, чтобы отодвинуть чашку от края стола, и тут же убрал руку.

— Чёрт.

— Что?

Он посмотрел сначала на пальцы, потом на чашку в моих руках.

— Я знаю, что ты пьёшь всё адски горячим, но это уже не чай. Это оружие.

Фиона достала пирожное.

— Она с детства такая. Папа говорил, что у неё внутренний бойлер.

— Я серьёзно, — сказал Роберт. — Ты вообще чувствуешь, насколько она горячая?

Я посмотрела на свои ладони.

Кожа даже не покраснела.

— Нормально.

На секунду в кухне стало легче. Фиона откусила пирожное, Ева почти улыбнулась.

Я поставила чашку на стол. Роберт ещё немного смотрел на мои руки, но ничего не сказал.

Дэн первым нарушил паузу:

— Мама придет утром. Я напишу, когда она точно скажет время.

Мама кивнула.

— Спасибо тебе. И ей.

— Потом. Сейчас не надо.

Ева взяла куртку со спинки стула.

— Мы, наверное, пойдём.

Я сразу повернулась к ней.

— Вы можете остаться.

— Можем. Но вам сейчас лучше немного выдохнуть.

В коридоре она обняла меня быстро и крепко, без обычного театра.

— Мы рядом, — сказала тихо. — Даже если ушли.

— Это глупо звучит.

— Зато правда.

Дэн коротко сжал моё плечо.

— Позвони, если что.

— Позвоню.

Он посмотрел внимательнее.

— Правда.

Я выдохнула.

— Правда.

Когда дверь за ними закрылась, квартира стала заметно тише.

Я вернулась на кухню. Роберт всё ещё стоял возле стола. Мама сидела рядом с документами, Фиона ковыряла пирожное вилкой и делала вид, что не слушает взрослых.

— Я правда поговорю с отцом сегодня, — сказал Роберт. — Просто чтобы вариант был. Решать сейчас не обязательно.

— Спасибо.

Он помолчал.

— Я не хочу лезть.

— Я знаю.

— Просто когда вижу, что тебе плохо, хочется хоть что-то сделать.

Фраза была нормальной. Хорошей даже.

И всё равно за ней стояли утренние звонки, «ты где?» и «почему не сказала». Но сейчас Роберт не делал ничего плохого. Он приехал после работы, привёз таблетки, запомнил про шоколадные пирожные и попытался найти маме работу.

— Пойдём на террасу? — спросила я.

Он удивился.

— Сейчас?

— На пару минут.

Роберт посмотрел на маму, потом снова на меня.

— Хорошо.

Мы поднялись почти молча. На лестнице было прохладнее, чем в квартире, и только там я поняла, как устала от кухни: от документов, голосов и слов «дом», «залог», «работа», «юрист».

Роберт шёл за мной.

Пока мы поднимались, я вспоминала, сколько раз он действительно был рядом. Вozил меня в больницу, ждал в коридорах, забирал Фиону с занятий, когда я не успевала, помогал ей с уроками. После похорон, когда мама почти не вставала, он не исчез.

В такие моменты мне становилось стыдно за то, что иногда один его вопрос мог вывести меня из себя.

На террасе пахло влажным воздухом и пылью. Старая гирлянда висела вдоль стены уже столько лет, что давно перестала быть украшением и стала частью дома. В углу стояли сложенные стулья и коробка с вещами, которую мама начала собирать ещё вчера.

Я подошла к перилам.

Роберт остановился рядом. Некоторое время мы молчали.

— Я— Я хотелМы заговорили одновременно и оба замолчали.Роберт чуть улыбнулся.— Давай ты.

Я посмотрела на свои руки.

— Хотела сказать спасибо.

— За что?

— За всё. Не только за сегодня. За то, что приехал. За таблетки, пирожные, работу. И за то, что было раньше.

Говорить такие вещи вслух оказалось сложнее, чем я ожидала.

— Когда папа болел, ты правда был рядом. Вozил меня в больницу, ждал там. Помогал с Фионкой, когда я не успевала. Забирал её с занятий, сидел над уроками. Когда мама после похорон почти не вставала, ты тоже был рядом. Ты не исчез.

Роберт молчал.

Я наконец посмотрела на него.

— Я не всегда нормально это показываю. Иногда вообще никак. Но я вижу всё, что ты сделал. Правда. И я благодарна.

Его лицо смягчилось.

Он подошёл ближе и осторожно взял меня за руку.

— Мир, тебе не нужно благодарить меня. Я твой парень.

— Всё равно.

— Я рядом не потому, что жду список заслуг.

Я почти улыбнулась.

— Хорошо. Список получился бы длинным и неловким.

— Но приятно, что ты это замечаешь.

Я на секунду запнулась, но решила не искать упрёк там, где его, возможно, не было.

— Конечно замечаю.

Роберт сжал мои пальцы.

— Просто иногда мне кажется, что ты всё держишь внутри, а я стою снаружи и не понимаю, как к тебе подойти.

— Я не специально.

— Знаю. Я знаю, что тебе тяжело. Просто хочу быть рядом по-настоящему. Не закрывайся от меня, ладно?

Он говорил искренне.

— Ладно.

Роберт притянул меня к себе и обнял.

С ним было тепло. От него пахло холодным воздухом и знакомым парфюмом. Я закрыла глаза и ненадолго позволила себе просто стоять, уткнувшись лбом ему в плечо.

Телефон завибрировал в кармане.

Я отстранилась и посмотрела на экран.

Фиона написала:

ты долго? мама легла, голова болит. выпила таблетки роберта. я тоже скоро спать, у меня после пирожных сладкий коматоз. не шумите, когда спуститесь. дверь оставляю открытой.

Я невольно улыбнулась.

— Фиона пишет. Мама легла, голова болела. Выпила твои таблетки.

— Хорошо, что принёс.

— Да.

Я убрала телефон.

— Я тоже пойду. День был слишком длинным.

— Понимаю.

Роберт не сразу отпустил мою руку.

— Напишешь перед сном?

— Напишу.

Он поцеловал меня в лоб.

— Я люблю тебя.

— Я тоже тебя люблю.

И в тот момент я не сомневалась в этом.

Мы спустились вниз. Роберт тихо попрощался у двери и ушёл.

Квартира уже почти спала.

В коридоре горел маленький свет. Из маминой комнаты не доносилось ни звука. Дверь Фионы была приоткрыта; внутри на секунду вспыхнул экран телефона и снова погас.

Я прошла на кухню.

На столе остался белый пакет с меню. Рядом стояла чашка недопитого чая, пустая коробочка от пирожных и стопка документов, которую никто так и не убрал.

Я уже собиралась выключить свет, но заметила, что из пакета выглядывает одно меню.

Я вытащила его и перевернула.

На обороте папиным крупным, неровным почерком было написано:

добавить лимонный пирог?

Слово «лимонный» было подчёркнуто три раза.

Я остановилась.

И вспомнила кухню ночью.

Фиона была маленькой, в пижаме с кроликами, красная от слёз после кошмара. Я стояла рядом, серьёзная и сонная, и держала венчик, потому что папа доверил мне «ответственный этап». Мама говорила из дверей, что нормальные люди в три часа ночи спят.

Папа в старой футболке, с мукой на щеке, поставил перед нами маленький пирог в форме для кекса.

Край подгорел. Начинка получилась слишком жидкой. Лимон бил в язык так, что Фиона сморщилась и заявила, что у неё сломалось лицо.

Папа попробовал сам, задумался, а потом сказал:

— В ресторан такое нельзя. А для моих девочек — можно.

Я провела пальцем по надписи.

Бумага была обычной. Немного пожелтевшей, с заломом у края.

И именно от этого сильнее всего хотелось плакать.

Я оглядела кухню: скол на краю стола, мамину кофту на спинке стула, Фионину кружку с облезлой надписью, белый пакет, документы, тёмное окно.

В ресторан мы больше не могли войти. Там уже были чужой замок и чужие ключи.

Дом пока оставался нашим.

Я не знала, надолго ли.

Глава 2. Пока дом ещё наш

Я проснулась с ощущением, будто ночью не спала, а несколько часов лежала с закрытыми глазами и ждала утра.

В комнате было душно. Окно я так и не открыла, хотя перед сном собиралась. Телефон лежал рядом с подушкой, провод от зарядки запутался под одеялом.

Я повернулась на бок и несколько секунд смотрела на стену.

Сон уже распадался. От него остались серый камень, жаркий воздух и голос Аристия, сказавший перед самым пробуждением, что времени осталось мало.

Чьего времени — моего, его или какого-то Ардевана — он, конечно, не уточнил.

В последнее время сны со стариком участились. Раньше он появлялся редко и почти всегда молчал. Теперь разговаривал со мной так, будто мы давно о чём-то договорились, а я одна забыла условия.

После смерти папы психолог предупреждала, что мозг может вытаскивать старые образы и превращать их в повторяющиеся сны. Это объяснение меня устраивало. По крайней мере, оно не требовало верить в загадочного мужчину, который ждал меня в каменном зале и говорил про огонь.

Телефон завибрировал рядом с лицом.

От Евы пришло короткое:

Живы?

Дэн написал, что Джулия сможет приехать примерно к одиннадцати.

У Роберта было несколько сообщений. Первое ещё ночью:

Ты легла?

Через двадцать минут:

Мир?

И уже утром:

Проснулась? Я поговорил с отцом. Место пока свободно. Если Эмма захочет, он готов встретиться.

Я посмотрела на время.

8:12.

Вчера я обещала написать перед сном и не написала. После кухни просто дошла до комнаты, легла поверх покрывала и отключилась.

Я набрала:

Проснулась. Прости, вчера сразу уснула. Спасибо, что поговорил с отцом. Джулия будет к одиннадцати, потом скажу маме.

Ответ появился почти сразу:

Хорошо. Как вы?

Я начала печатать, потом стёрла.

Пока не знаю.

С кухни что-то звякнуло.

— Да господи, — донёсся голос Фионы.

Значит, день начался.

Я нашла тапочки и только в коридоре заметила, что спала в той же футболке, в которой вчера сидела за столом. На рукаве осталось небольшое пятно от чая. Переодеваться не хотелось, поэтому я решила считать его частью образа.

К счастью, была суббота, и Фионе хотя бы не нужно было собираться в школу. Она сидела на кухне в огромной серой толстовке. Перед ней стояла чашка, рядом лежал открытый ноутбук

со статьёй о залоговой недвижимости. Фиона не читала — просто водила пальцем по тачпаду вверх и вниз.

— Ты выглядишь ужасно, — сказала она.

Я достала чашку из шкафчика.

— Доброе утро.

Фиона пробормотала что-то про честность в семье и снова уставилась в экран.

Мама вошла через несколько минут. Волосы она собрала в низкий хвост, но взгляд у неё всё ещё оставался за вчерашним столом. Она включила чайник, хотя вода в нём была горячей, и некоторое время просто стояла рядом, будто не помнила, что собиралась делать дальше.

— Я опять видела того старика, — сказала я.

Мама повернулась.

— Аристея?

Я кивнула.

— Сны участились. Он снова говорил про Ардеван и про то, что времени мало.

Мама взяла чашку, но чай не налила.

— Может, тебе стоит записывать их.

— Может быть.

В другое утро я бы начала спорить. Сегодня у нас были проблемы понятнее повторяющихся снов, и мне не хотелось добавлять к ним ещё одну.

Я села за стол, сделала глоток кофе и только тогда поняла, что забыла сахар.

Мама посмотрела на часы.

— Тебе сегодня к детям?

— Нет. Они уехали на две недели.

Семья, у которой я работала няней, собиралась в отпуск уже давно. Раньше я даже радовалась этим двум неделям: думала, что смогу взять больше смен в магазине и немного закрыть долги.

Теперь смен у меня тоже не было.

Мама, кажется, вспомнила об этом в ту же секунду.

— А в магазин во сколько?

Я провела пальцем по краю чашки.

— Ни во сколько.

Она остановилась.

— Сегодня выходной?

— Меня уволили.

Фиона перестала листать страницу.

Мама медленно села напротив меня.

— Когда?

— Несколько дней назад.

Я не собиралась скрывать это долго. Просто каждый раз находилось что-то важнее.

Менеджер терпел мои опоздания почти два месяца. Я пропускала смены, когда нужно было ехать в больницу, забирать Фиону, помогать маме или разбираться с рестораном. Иногда предупреждала заранее. Иногда звонила, когда смена уже началась. В последний раз мне сказали, что магазину нужен продавец, который действительно приходит на работу.

Спорить было не с чем.

— Почему ты ничего не сказала? — спросила мама.

— Потому что у тебя и так хватало.

— А у тебя?

Я отвела взгляд.

Фиона закрыла ноутбук.

— Это из-за нас?

— Нет.

— Но ты пропускала из-за меня тоже.

— Фион, меня уволили потому, что я не выполняла свою работу. Не надо брать это на себя.

Произнести это спокойно оказалось сложнее, чем я ожидала.

Мама долго смотрела на меня.

— Ты не можешь решать за нас, какую правду мы выдержим.

Фраза задела, но ответить было нечего.

— Я найду что-нибудь другое, — сказала я. — Семья вернётся через две недели. До этого посмотрю вакансии, может, возьму ещё детей.

Мама хотела продолжить, но в конце концов только кивнула.

Фиона развернула ноутбук к себе.

— Значит, на сегодня у нас ресторан, дом, безработная Мира и юрист в одиннадцать.

— Очень бодря сводка.

— Я ещё не закончила. У нас есть моя система документов.

Она вытащила из-под ноутбука пачку цветных стикеров.

Следующие полчаса мы перебирали бумаги.

Мама приносила папки из спальни и гостиной. Я искала переводы, переписки с Мартином и фотографии подписанных листов. Фиона раскладывала всё по стопкам, споря почти с каждым документом отдельно.

Постепенно на столе появились подписи:

Мартин.

Банк.

Ресторан.

Дом.

Самую маленькую стопку Фиона назвала:

Хрень непонятная.

Мама посмотрела на стикер.

— Может, переименуем?

— Нет. Это юридически точное название.

Я взяла один из договоров и поняла, что уже третий раз читаю одну и ту же строку.

До приезда Джулии оставалось почти два часа.

Мы больше ждали, чем работали. Мама ходила по кухне и периодически забывала, зачем встала. Фиона перекладывала документы, находила новый лист и начинала спорить с собственной системой. Я то открывала телефон, то закрывала его, не отвечая никому, и смотрела в окно на двор, где соседка с третьего этажа ругалась с курьером из-за пакета с продуктами.

В обычный день это было бы смешно.

Сегодня — просто шумно.

В 10:57 Дэн написал:

Мы во дворе.

Фиона сразу посмотрела на свою толстовку.

— Мне надо переодеться?

Я оглядела её, потом себя.

— Думаю, наш кризис переживёт твой внешний вид.

— А твой?

— Мой уже стал частью кризиса.

В дверь позвонили через две минуты.

Мама поднялась первой, но у выхода из кухни остановилась и посмотрела на меня.

— Всё будет нормально? — спросила она тихо.

Мне очень хотелось сказать «да».

Но после вчерашнего это слово стало слишком большим.

— Сейчас узнаем, что можно сделать.

Мама кивнула и пошла открывать.

Из коридора донёсся голос Дэна:

— Мам, только не начинай сразу с тяжёлого. Они не спали.

Женщина ответила спокойно:

— Дэниел, если ты собираешься объяснять мне, как разговаривать с людьми, выбери другой день.

Фиона посмотрела на меня.

— Я её обожаю.

Впервые за утро я улыбнулась нормально.

Мама вернулась на кухню. За ней вошёл Дэн с бумажным пакетом в руках, а следом — Джулия.

На ней было светлое пальто, через плечо висела кожаная сумка. Волосы собраны, на лице — та самая тёплая улыбка, которую я помнила с детства. Джулия часто забирала Дэна после наших вечеров на террасе, иногда ругала нас за шум, иногда приносила что-нибудь сладкое и всегда делала вид, что не замечает, как Ева забирает самый большой кусок.

Она остановилась у входа.

— Так. Кого сначала обнимать, а кого сразу спасти?

Фиона подняла руку.

— Меня можно сразу спасти.

— Тебя отдельно.

Джулия подошла и обняла её за плечи.

— Ты у нас самая громкая паника.

— Почему сразу громкая?

— Потому что я знаю тебя с восьми лет.

Фиона на секунду прижалась к ней, потом быстро отстранилась и поправила толстовку.

Джулия обняла маму уже дольше.

— Эмма, милая, держишься?

— Пытаюсь.

— Сегодня этого достаточно.

Дэн поставил пакет на стол.

— Я купил булочки.

Фиона сразу заглянула внутрь.

— С чем?

— С корицей, с сыром и какие-то с яблоком. Я запаниковал у витрины.

Джулия посмотрела на сына.

— Дэниел, ты паникуешь у витрины даже тогда, когда покупаешь хлеб.

— Потому что выбор — это давление.

Фиона достала булочку.

— Не вижу проблемы.

Мама уже открывала шкафчик.

— Чай? Кофе? Джулия, прости, я ничего не приготовила

— Эмма, пожалуйста. Я не на завтрак пришла. Чай есть?

— Есть.

— Значит, всё прекрасно.

Я достала ещё две чашки.

— Тебе чёрный?

Джулия улыбнулась.

— Вот теперь я узнаю девочку, которая знает меня половину жизни.

На несколько минут кухня стала почти обычной: чашки, ложки, пакет с булочками, Фиона, которая уже ела одну и смотрела на вторую, Дэн, молча подвинувший пакет ближе к ней, и мама, которой наконец было чем занять руки.

Джулия сняла пальто, села за стол и достала блокнот.

— Начнём не с документов. Расскажите человеческую версию. Коротко, без номеров договоров и банковских терминов.

Мама посмотрела на меня.

Я села напротив Джулии и обхватила чашку руками.

— После смерти папы ресторан начал тонуть. Долги, поставщики, старые платежи, ремонт. Мартин, папин знакомый, знал ресторан и говорил, что может помочь всё переоформить и сохранить помещение. Сначала просил небольшие суммы. Потом больше. Всё время говорил, что нужно срочно, иначе будет хуже.

Говорить о последних месяцах такими словами было странно.

Долги.

Платежи.

Переоформление.

Как будто папин ресторан развалился не из-за того, что он заболел, мама перестала справляться, а я пыталась одновременно работать, учиться и жить в больничных коридорах, а из-за неправильно заполненной таблицы.

— Мама подписывала то, что он приносил, — продолжила я. — Он говорил, что это временно. Вчера нам позвонили и велели освободить ресторан. Мы поехали туда. Замок уже сменили, вывеску сняли. Нам сказали, что помещение больше не принадлежит семье.

Джулия слушала, не перебивая.

Это помогало.

— Дом тоже связан с ним, — тихо сказала Фиона.

Джулия повернулась к маме.

— Залог?

Мама кивнула.

— Мартин сказал, что это временно. Что так будет проще получить деньги.

Несколько секунд Джулия молчала. Потом записала что-то в блокнот.

— Поняла. Значит, у нас ресторан, переводы, залог по дому и человек, который очень любил слово «срочно».

— Ещё стопка «Хрень непонятная», — сказала Фиона.

Джулия посмотрела на стикер и улыбнулась.

— Отлично. Её тоже не трогаем. Иногда самое полезное лежит именно там.

Фиона бросила на маму победный взгляд.

— Я молчу, — сказала та.

Джулия открыла первую папку.

— Сразу договоримся: я семейный юрист. Разводы, имущество, опека, иногда наследство. С недвижимостью и мошенничеством работала, но не буду изображать человека, который сейчас за десять минут решит всё сам. Я посмотрю документы и подключу коллегу, который занимается такими делами постоянно.

Мама напряглась.

— То есть ты не сможешь помочь?

— Смогу. Просто не одна. Это хорошая новость. Если у тебя сломалась машина, ты ведь не хочешь, чтобы её чинил человек, который однажды видел колесо.

Мама кивнула.

— Что нам сейчас делать?

— Ничего не подписывать. Вообще. Не отправлять документы людям, которые будут вас торопить. Не обещать решить что-то «сегодня до вечера». Если звонят — говоришь, что вопросом занимается юрист, и берёшь паузу.

Она перебрала первые листы.

— Я посмотрю, что у вас есть, заберу копии и составлю список того, чего не хватает. Оригиналы без необходимости из дома не отдаём.

— А дом могут забрать? — спросила Фиона.

Джулия не стала отвечать сразу.

— Теоретически — да. Но это не значит, что сегодня вечером кто-то придёт с коробками и попросит вас выйти. Для таких вещей существуют уведомления, сроки и процедуры. Сначала нам нужно понять, где именно вы сейчас находитесь и что уже успели оформить.

— То есть паниковать рано?

— Паниковать можно, — сказала Джулия. — Но по очереди и недолго. Потом работаем. Фиона посмотрела на меня.

— Она точно мама Дэна.

Дэн закатил глаза.

— Спасибо.

Джулия продолжила листать бумаги, потом подняла взгляд на маму.

— И ещё. Не начинай сейчас разбирать, где ты была глупой и что должна была понять раньше. Люди подписывают плохие документы не потому, что они идиоты. Иногда им страшно, они устали и очень хотят поверить человеку, который обещает выход.

Мама опустила глаза.

Я не знала, что сказать.

Потому что сама с утра занималась примерно тем же самым — только не вслух.

Через некоторое время Джулия отложила очередной лист и посмотрела на меня.

— Дэниел, выведи Миру на воздух минут на десять.

Я подняла голову.

— Зачем?

— Потому что ты уже несколько минут держишь пустую чашку так, будто она лично виновата в происходящем. И потому что ещё одно слово «залог» — и ты либо упадёшь, либо расплачешься.

Мама чуть кивнула.

— Иди. Я не одна.

— Мам...

— Правда. Иди.

Дэн встал.

— Терраса?

Я посмотрела на маму, Джулию и стол, почти полностью скрытый бумагами.

— Терраса.

Уже в коридоре я услышала голос Джулии:

— Теперь спокойно. Когда Мартин впервые предложил помощь?

Я остановилась.

Потом всё-таки пошла за Дэном.

На террасе было прохладнее, чем в квартире.

Я сразу подошла к перилам. Внизу хлопнула дверь машины, где-то во дворе засмеялся ребёнок. Старая гирлянда вдоль стены не работала уже несколько дней, но её никто не снимал.

Она висела рядом с подушками и пуфиком, на который Ева когда-то пролила лак для ногтей, а потом три недели доказывала, что «так даже красивее».

Дэн прикрыл за собой дверь.

— Джулия меня выгнала?

— Немного.

— Я так и поняла.

— Справедливо. Ты сидела так, будто ещё одна плохая новость — и ты начнёшь бросаться булочками.

Я посмотрела на него через плечо.

— Булочки хорошие. Не стала бы тратить.

— Значит, заплакала бы.

— Тоже спорно.

Дэн подошёл и остановился рядом, не слишком близко.

С ним всегда было удобно именно из-за этого. Он не нависал, не пытался сразу обнять, не говорил «ну расскажи», как будто у меня внутри есть кнопка, которую можно нажать. Просто вставал рядом, и через какое-то время говорить становилось легче.

Мы немного постояли молча.

— Я должна была остановить маму, — сказала я.

Дэн не повернулся, только чуть поднял голову.

— Когда?

— Когда она впервые рассказала про залог. Я должна была проверить Мартина, документы, хотя бы имя в интернете. Сказать, что мы не будем ничего подписывать, пока нормальный юрист не посмотрит.

— Ты тогда знала, что он обманывает?

— Нет.

— Мама знала?

— Нет.

— Тогда что именно ты должна была остановить?

Я сжала пальцы на перилах.

— Не знаю. Всё.

Он тихо выдохнул.

— Мира, ты работала на двух работах, почти жила в больнице, потом занималась похоронами, счетами и Фионой. Ты была дочерью Артура, а не семейным юристом.

— Но я согласилась, что Мартин может помочь.

— Потому что он говорил уверенно и обещал решить то, с чем вы сами не справлялись.

— Всё равно.

— Я знаю, что «всё равно». Ты сейчас найдёшь способ обвинить себя даже в погоде. Но это не сделает тебя правой.

Я посмотрела на него.

— Ненавижу, когда ты говоришь разумные вещи.

— Поэтому делаю это редко.

У меня вырвался короткий смешок.

Телефон завибрировал в кармане.

Ева прислала три сообщения подряд:

Я могу приехать?

Дэн с мамой уже у вас?

Если он купил булочки и не оставил мне, дружба официально закончена.

Я показала экран Дэну.

Он прочитал.

— Я купил достаточно.
— Это ответ на все три вопроса?
— В целом да.

Я набрала:

Приезжай. Булочки ещё есть.

Ответ появился сразу:

Выезжаю. Не принимайте важных решений без меня.

Я убрала телефон.

— Будет через двадцать минут.

— Значит, через десять.

— Тоже правда.

Мы ещё немного постояли возле перил. Дэн не возвращался к разговору, и я была ему за это благодарна.

Когда Ева появилась на террасе, Джулия всё ещё разбирала бумаги.

Ева вошла с сумкой на плече и таким видом, будто не приехала в гости, а ворвалась на заседание, где без неё уже успели всё испортить.

— Где булочки?

Дэн посмотрел на меня.

— Я же говорил.

— Сначала спроси, как мы, — сказала я.

Ева быстро осмотрела меня.

— Плохо. Дэн жив. Теперь где булочки?

— На кухне.

Она бросила сумку рядом с пуфиком.

— Я сейчас вернусь. Не начинайте заново страдать без меня.

Через несколько минут Ева поднялась с водой, тремя стаканами и последней булочкой.

— Я спасла её от одиночества.

— Она была моя, — сказал Дэн.

— В такие времена частная собственность — спорная концепция.

— Моё имущество?

— На нужды дружбы.

Они начали спорить, а я впервые за день рассмеялась не потому, что кто-то ждал реакции.

Ближе к часу Джулия закончила. Она забрала копии документов, записала номера телефонов и пообещала созвониться с коллегой до следующего вечера.

Перед уходом она обняла маму ещё раз и сказала:

— Сегодня больше ничего не подписываешь и никого не спасаешь. Ешь, спишь, отвечаешь только мне.

— Постараюсь.

— Не постарайся. Сделаешь.

Мама впервые за день почти улыбнулась.

После Джулии квартира будто выдохнула, но легче не стало. Мама сказала, что ляжет. Фиона ушла в комнату с ноутбуком и сообщила, что будет «не паниковать горизонтально».

Мы с Евой и Дэном снова поднялись на террасу.

Остаток дня растянулся сам собой.

Сначала мы собирались посидеть на террасе десять минут. Потом ещё десять. Потом Ева вспомнила, как в десятом классе сбегала с последних уроков и приходила сюда ждать меня, потому что мы учились в разных школах, а сидеть одной, по её словам, было «трагично, но эстетично».

Я вспомнила бутылку дешёвого вина, которую мы притащили наверх в пятнадцать лет и закусывали шоколадом, потому что денег на нормальную еду не было, а почувствовать себя взрослыми хотелось очень сильно.

Дэн, учившийся с Евой в одной школе, смотрел на нас с выражением глубокой обиды.

— Я до сих пор считаю это предательством.

— Вино? — спросила я.

— То, что вы меня не звали, но Ева каждый раз забирала шоколадки из моего рюкзака.

— Не забирала, а перераспределяла, — сказала Ева.

— Моё имущество?

— Настоящая дружба не задаёт таких мелочных вопросов.

К вечеру стало холоднее.

Мы спустились переодеться. Я вернулась в мягкой домашней толстовке. Ева нашла у меня свою старую, когда-то оставленную «на всякий случай». Дэну мама дала папину — большую, тёмную, с растянутыми рукавами.

Он сначала хотел отказаться.

— Эмма, не надо. Я нормально.

— Наверху холодно.

— Я могу взять плед.

— Дэн.

Он замолчал и надел толстовку поверх футболки.

Я заметила её на нём уже на террасе.

Папина одежда сидела на Дэне свободнее. Рукава закрывали половину ладоней. На груди осталось маленькое выпуклое пятно от соуса, которое папа так и не смог вывести.

Я отвела взгляд.

Ева уже доставала телефон.

— Всё. Заказываю пиццу.

Дэн сел на старый стул.

— А спросить?

— Спрашиваю. Пепперони или курица?

— Это не вопрос. Это ограниченный выбор.

— Именно так работает демократия.

Она посмотрела на меня.

— Ты что будешь?

— Мне всё равно.

— Нет. Сегодня никому не всё равно. Сегодня мы выбираем пиццу как люди, у которых осталась хотя бы одна контролируемая часть жизни.

Дэн кивнул.

— Тогда без ананасов.

— Вот. У человека есть убеждения.

Мы заказали две пиццы. Ева сказала, что одна — грустно, а три — уже отрицание реальности.

Курьер приехал через сорок минут. Дэн спустился за заказом, а Ева встретила коробки так, будто он принёс гуманитарную помощь.

Мы ели на террасе, сидя на старых подушках. Салфетки разлетались от ветра, стаканы с водой постоянно терялись, сыр тянулся слишком длинными нитями, и на какое-то время разговоры перестали быть о доме.

Ева оглядела старую гирлянду, подушки, коробки от пиццы и темнеющее небо.

— Давайте останемся здесь на ночь.

Дэн медленно повернул к ней голову.

— Нет.

— Ты даже не выслушал.

— Я знаю поставщика идеи.

— Послушайте. Мы не знаем, что будет через неделю. Может, дом останется нашим. Может, нет. Может, Джулия всё решит, а может, нас ещё долго будет мотать по банкам и юристам. Но сегодня терраса наша.

Она перевела взгляд на меня.

— Предлагаю не делать ничего полезного. Принести сюда пледы, чай, зарядки и встретить рассвет.

Идея была глупой.

Непрактичной.

Совершенно не взрослой.

И именно поэтому мне захотелось согласиться.

— Вино не предлагаю, — продолжила Ева. — Мы выросли. Теперь у нас чай, пицца и проблемы с недвижимостью.

Дэн вздохнул.

— Я принесу пледы.

Ева улыбнулась.

— Вот видишь. Ты уже в команде.

— Я в команде против переохладения.

— Команда есть команда.

Я посмотрела на старую гирлянду, на пуфик с пятном от лака, на дверь, за которой оставались документы, мама, Фиона и всё то, что утром снова придётся решать.

— Хорошо, — сказала я. — Остаёмся.

Ева довольно кивнула.

— Тогда официально объявляю: сегодня мы не спасаем жизнь. Сегодня мы сохраняем террасу.

— Юридически сомнительно, — заметил Дэн.

— Эмоционально безупречно.

Я взяла телефон.

Сначала открыла переписку с мамой.

Мы с Евой и Дэном хотим остаться на террасе до утра. Ты не против?

Ответ пришёл не сразу.

Если оденетесь теплее и не будете шуметь. И оставь телефон со звуком.

Хорошо. Спокойной ночи.

Спокойной ночи.

Только после этого я открыла переписку с Робертом.

— Напишу Роберту. Может, тоже приедет.

— Конечно, — сказала Ева. — Только предупреди, что самый мягкий плед уже занят.

— Тобой? — спросил Дэн.

— Мной.

Я открыла переписку с Робертом.

Мы решили остаться на террасе до утра. Тут пицца, чай и гора пледов. Приезжай тоже. Я хочу, чтобы ты был с нами.

Ответ пришёл через пару минут.

До утра? На террасе?

Я:

Да.

Роберт:

Там холодно. Вы завтра вообще не сможете встать, а тебе ещё нужно разбираться с домом.

Я посмотрела на Дэна, который в этот момент пытался плотнее прикрыть заедающую дверь на лестницу, и на Еву, заворачивавшуюся сразу в два пледа.

Роберт говорил разумные вещи.

Но сегодня разумные вещи мне уже надоели.

В этом и смысл. Один вечер ничего не решать и не думать о завтра. Приезжай.

Три точки возле его имени появлялись и исчезали несколько раз.

Роберт:

Если тебе хочется посидеть, давай Ева с Дэном потом разойдутся. Я приеду, и мы побудем вдвоём. Можем разговаривать хоть до утра.

Я перечитала сообщение.

Я:

Я не хочу, чтобы они расходились. Мне сейчас хорошо именно так. Я хочу, чтобы мы остались вчетвером. Они тоже будут рады, если ты приедешь.

Ева заглянула через моё плечо.

— Напиши, что у нас ещё есть пицца.

— Не читай.

— Я не читаю.

Я отодвинула телефон подальше.

Роберт ответил:

Не сегодня, Мир. Я хотел провести время с тобой, а не сидеть компанией до утра. Оставайся с ними, я всё равно уже собирался спать. Утром заеду.

Я почувствовала лёгкое разочарование.

Не обиду. Он имел право не хотеть приезжать. Просто я действительно хотела увидеть его здесь — не вместо Евы и Дэна, а вместе с ними.

Я:

Хорошо. Только напиши заранее, прежде чем приедешь.

Роберт:

Напишу. Люблю тебя.

Я:

Люблю. Спокойной ночи.

Я убрала телефон.

— Не приедет? — спросила Ева.

— Нет. Устал и хочет спать.

— Разумный человек, — сказал Дэн.

— Скучный человек, — поправила Ева и сразу добавила: — Но это его выбор. Самый мягкий плед всё ещё мой.

Дэн пошёл за чайником, Ева принялась устраивать подушки, а я ещё раз посмотрела на последнее сообщение.

Внизу всё ещё были Мартин, долги, дом под залогом и вопросы, на которые пока никто не мог ответить.

Но наверху были Ева, Дэн, пледы, чай и коробки из-под пиццы.

Дом всё ещё был нашим.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.